

Вопросы Экономики

TM

www.vopreco.ru

В НОМЕРЕ :

Анатомия российской коррупции

Теория рационального выбора:
нормативный поворот?

Экономика нефтегазового сектора

Поддержка сельского хозяйства
и вступление России в ВТО

10

2 0 1 2

ВСЕРОССИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Вопросы Экономики

TM

ОРДЕННАЯ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ С 1929 г.

октябрь

10

2012

журнал по экономике

Редакционная коллегия

О. И. Ананьев, Р. С. Гринберг, Р. Н. Евстигнеев, Н. И. Иванова, А. Я. Котковский (заместитель главного редактора, врио главного редактора), Я. И. Кузьминов, В. А. Май, Б. З. Мильнер, А. Д. Некипелов, Р. М. Нуруеев, Г. Х. Попов, С. Н. Попов (ответственный секретарь), Вад. В. Радаев, А. Я. Рубинштейн, В. К. Сенчагов, Д. Е. Сорокин, А. И. Татаркин, Е. Г. Ясин

Международный совет журнала

Х. Канамори (Япония), Гж. Колодко (Польша), Л. Конг (Китай), Р. Мартин (Великобритания), Дж. Миллар (США), К. Оппенлендер (Германия), Л. Чаба (Венгрия), М. Эллман (Нидерланды), М. Эмерсон (Великобритания)

МОСКВА

CONTENTS

INSTITUTIONAL ANALYSIS OF THE RUSSIAN ECONOMY

M. Levin, G. Satarov — Corruption in Russia: Classification and Dynamics	4
T. Natkhov, L. Polishchuk — Engineers or Lawyers? Institutions and Demand for Higher Education	30

PROBLEMS OF THEORY

W. Hands — Normative Rational Choice Theory: Past, Present, and Future.....	52
--	----

OIL AND GAS COMPLEX

L. Eder, I. Filimonova — The Financial Significance of the Oil and Gas Sector for the Russian Economy	76
A. Cherniavsky — The Analysis of the Impact of Changes in Tax Regimes on the Export Profitability of Oil and Main Petroleum Products	92
V. Kryukov, E. Pavlov — An Approach to Social and Economic Assessment of Resource Regime in an Oil and Gas Sector (<i>The Case of the USA</i>)	105

INDUSTRIAL ORGANIZATION

I. Bashmakov, A. Myshak — Factor Analysis of Evolution of Russian Energy Efficiency: Metodology and Outcomes.....	117
V. Uzun — Russian Policy of Agriculture Support and the Necessity of Its Modification after WTO Accession	132

REFLECTIONS ON THE BOOK

I. Boldyrev — Understanding Economics as a (Social) Science? (<i>On the Book by M. Boumans, J. Davis "Economic Methodology. Understanding Economics as a Science"</i>)	150
--	-----

NOTES AND LETTERS

F. Rybakov — St. Petersburg Industry: Evolution and Present Time	157
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

М. Левин, Г. Сатаров — Коррупция в России: классификация и динамика ...	4
Т. Натхов, Л. Полищук — Инженеры или юристы? Институты и спрос на высшее образование	30

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

У. Хэндс — Нормативная теория рационального выбора: прошлое, настоящее и будущее.....	52
--	----

НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС

Л. Эдер, И. Филимонова — Экономика нефтегазового сектора России	76
А. Чернявский — Оценка влияния изменений в налоговом законодательстве на эффективность экспорта нефти и нефтепродуктов	92
В. Крюков, Е. Павлов — Подход к социально-экономической оценке ресурсного режима в нефтегазовом секторе (<i>на примере США</i>)	105

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

И. Башмаков, А. Мышак — Факторный анализ эволюции российской энергоэффективности: методология и результаты	117
В. Узун — Российская политика поддержки сельского хозяйства и необходимость ее корректировки после вступления в ВТО	132

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

И. Болдырев — Экономическая теория как (социальная) наука? (<i>О книге M. Voortmans, J. Davis «Economic Methodology. Understanding Economics as a Science»</i>)	150
--	-----

ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

Ф. Рыбаков — Промышленность Санкт-Петербурга: эволюция и современность.....	157
--	-----

Журнал «Вопросы экономики» перешел на международный стандарт оформления статей в соответствии с современными требованиями библиометрии. Исполнение данных требований позволит как самому журналу, так и нашим авторам быть полноценно представленными в мировых базах цитирования WoS, Scopus и других библиометрических агрегаторах. Уже сейчас «Вопросы экономики» занимают 1-е место в национальном рейтинге экономических журналов по базе Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU и находятся в первой трети списка журналов (1,5 тыс.) в международной экономической базе RePEc.org. Новые правила оформления статей см. на нашем сайте www.vopreco.ru в разделе «Авторам».

М. Левин, Г. Сатаров

Коррупция в России: классификация и динамика

Статья посвящена анализу российской коррупции как своеобразной «отрасли» российской экономики, на которую оказывает существенное влияние политическая система. Последняя, в свою очередь, также изменяется под влиянием коррупции. Вводятся и обсуждаются основные понятия, используемые при анализе коррупции: бытовая коррупция, деловая коррупция, коррупционные рынки, стратегии поведения коррупционеров и др. Предлагается комплексная «историко-культурная» классификация типов коррупции, учитывающая бытовую и деловую составляющие, гарантию прав собственности, вертикальные и горизонтальные отношения внутри власти и между властью, гражданами и бизнесом. В соответствии с предложененной типологией анализируется динамика коррупционных отношений, а также их социально-экономических и политических условий, определяющих их, с дореволюционного периода в России вплоть до настоящего времени. На основе статистических данных по опросам оцениваются характеристики рынков бытовой и деловой коррупции в динамике и указываются причины изменения масштабов тех или иных рынков.

Ключевые слова: коррупция, рентоориентированное поведение, коррупционный рынок.

JEL: D73, P26, P37.

Не прибегая к преувеличениям, можно утверждать, что коррупция¹ — главный и динамично растущий сектор российской экономики. Как будет показано ниже, полученная в 2005 г. оценка снизу годового дохода в сфере деловой коррупции более чем в два раза превысила суммарный доход от экспорта сырой нефти, нефтепродуктов и газа. Кроме того, коррупция пронизывает политические, административные, экономические, социальные отношения, преследуя любой бизнес

Левин Марк Иосифович (mlevin@mail.ru), д. э. н., проф., завкафедрой микроэкономического анализа НИУ ВШЭ (Москва), *Сатаров Георгий Александрович* (moskars@mail.ru), к. т. н., президент фонда «ИНДЕМ» (Москва).

¹ В целях данной статьи мы рассматриваем коррупцию, в которой замешаны только представители государства, получающие от него зарплату. При этом коррупционным поведением мы называем использование представителями государства в личных целях ресурсов, которые предоставляет им государство для реализации их официальных полномочий.

от его регистрации до захвата чиновниками или разорения и приводя к разрушительным последствиям во всех сферах социальной жизни.

В настоящее время литература по экономическим аспектам коррупции и ее взаимосвязи с политическими режимами и социальным положением в той или иной стране насчитывает несколько тысяч статей, ряд монографий и сборников, включая справочники (Abed, Gupta, 2002; Campos, Pradhan, 2007; Kotkin, Sajo, 2004; Rose-Ackerman, 2006). В этих работах рассматриваются как микро-, так и макроэкономические модели коррупционных взаимодействий, а также многочисленные статистические и эконометрические модели². Существуют исследования, посвященные различным аспектам коррупции в СССР и России³.

В ряде работ изучались происходившие после распада СССР изменения, в частности новые коррупционные возможности (Shleifer, Vishny, 1993, 1998; Acemoglu, Verdier, 2000; Bowser, 2001). Некоторые авторы рассматривали отдельные характеристики коррупции в России и странах бывшего СССР, в частности, злоупотребление властью или, иными словами, использование административного ресурса (Allina-Pisano, 2010; Леденева, Шекшня, 2011). Важную роль играют коррупционные сети (Jiang, 2006; Chtloukhine, King, 2007; Stefes, 2007).

Эмпирических исследований по коррупции в России не много, в основном они посвящены отдельным отраслям экономики, например, высшему образованию, банковскому кредитованию и ряду других (Галицкий, Левин, 2007; Осипян, 2011; Osipian 2010, 2012; Yakovlev, 2001; Weill, 2010). Существует несколько работ, в которых авторы рассматривают отличия в коррупционном поведении мелких предприятий России (Safavian et al., 2001) или сравнивают коррупцию в разных регионах страны (Dininio, Orttung, 2005).

Подобные работы, если исключить многочисленные статьи и сообщения публицистического плана, можно (условно) разделить на несколько типов. Во-первых, по истории коррупции в России и Советском Союзе, а также по истории коррупции в постсоветский период (Osipian, 2010). Во-вторых, это работы, посвященные экономической и политической специфике коррупции в СССР. Ряд статей посвящен взаимосвязи между перманентным дефицитом товаров и услуг в потребительских и производственных секторах, сопровождавшим его в теневой экономике привилегиям, «блату» («ты мне — я тебе») и коррупции. Исследование постсоветской коррупции началось в середине 1990-х годов, инициируемое особенностями переходного периода и, конечно, обсуждением коррупционных скандалов в средствах массовой информации.

Отметим, что в последние 15 лет проводились статистические исследования, направленные на оценку объема коррупционных сделок, склонности к коррупционным взаимоотношениям, значению коррупции как препятствия для развития бизнеса и др. (см., например: Satarov,

---

² Укажем, в частности, на обзорные работы: Aidt, 2003; Lambsdorff, 2007.

³ Мысловский, 2007; Тимофеев, 2000; Клямкин, Тимофеев, 2000; Radaev, 2000.

2007; Bakaleinik et al., 2002). Некоторые из них будут детально рассмотрены ниже.

В данной статье мы попытаемся проанализировать динамику российской коррупции за последние 25 лет, показать ее структуру, объяснить причины и продемонстрировать негативные последствия, оценить перспективы противодействия. При этом мы сознательно отказались от описания научных исследований этого явления и составления математических моделей коррупции, стараясь сфокусироваться собственно на коррупции и основываясь как на собственных исследованиях, так и на разработках российских и зарубежных коллег.

Основные понятия

Ниже мы будем различать *бытовую коррупцию*, охватывающую сферу рутинных взаимодействий граждан и власти (здравоохранение, образование, судопроизводство, различного вида регистрация, военный призыв, личная безопасность и т. п.), и *деловую коррупцию*, распространяющуюся на сферу взаимодействия бизнеса и власти-регулятора. В странах с высоким уровнем коррупции (как в России) особенно существенна первая, в то время как в западных странах коррупция более распространена в сфере деловой активности.

Сфера коррупционного взаимодействия граждан или бизнеса, с одной стороны, и государства — с другой, будут характеризоваться термином «коррупционный рынок». Это обусловлено тем, что коррупционные сделки имеют многие признаки обычного рыночного обмена, особенно в сфере бытовой коррупции. Разные сферы коррупции обладают свойствами, которые можно интерпретировать в традиционных экономических терминах предложения⁴, спроса, цены товара, объема рынка и т. п. Можно использовать и такие термины, как максимальная склонность к коррупционному потреблению для взяткополучателей и коррупционный мультиплликатор. *Специальные* коррупционные рынки могут выделяться как по предложению (уровни и виды органов власти), так и по спросу (разные сферы государственных услуг, в которых нуждаются клиенты). Также основанием могут выступать отрасли экономики и сферы деловой активности.

Кроме того, мы выделяем различные типы стратегий поведения взяткодателей. Наиболее распространена, особенно в деловой коррупции, *стратегия адаптации*: граждане и предприниматели с помощью коррупции *активно используют* дефекты государственного регулирования, чтобы получить односторонние преимущества. Речь идет об адаптации к среде государственного регулирования. *Стратегия уклонения* — следующая по распространенности. Она носит пассивный характер. В этом случае стараются минимизировать контакты с государством. Нередко мы сталкиваемся и с типом поведения взяткодателей, который можно назвать *безысходностью*, когда взятку дают, поскольку нет альтернативных методов решения проблемы, а цена отказа от взятки слишком высока, при этом коррупция воспринимается как данность, как естественная часть социального порядка.

---

⁴ Речь идет о своеобразном предложении, которое можно назвать «навязанным». Подобным предложением характеризуется плановая экономика.

Следующие две стратегии касаются исключительно взаимодействия власти и бизнеса, они универсальные, то есть так или иначе присутствуют всегда. Первая стратегия свойственна представителям бизнеса и называется «захват государства» (state capture). Этим термином обозначают корпоративные и индивидуальные стратегии поведения бизнеса, направленные на установление теневого контроля над принятием властных решений, имея в виду и разные ветви, и разные уровни власти (центральный, региональный и т. п.) (Hellman et al., 2003).

Другую стратегию можно назвать «захват бизнеса» (business capture). Под этим мы предлагаем понимать совокупность стратегий и практик, с помощью которых власть в лице своих представителей или даже организаций стремится обеспечить теневой контроль над бизнесом с целью коллективного и (или) индивидуального извлечения административной ренты (Сатаров, Пархоменко, 2001). В этом случае рента обеспечивается не получаемыми взятками, а непосредственно бизнесом и доходом от него.

Последняя классификация коррупции, которую мы рассмотрим, имеет историко-культурный характер (Левин, Сатаров, 2012). *Западную коррупцию*⁵ характеризует определенность прав собственности и отделенность власти от бизнеса. Бытовая коррупция невысока, а в деловой коррупции захват власти преобладает по сравнению с захватом бизнеса в силу устойчивости и определенности прав собственности. Коррупция выступает как теневой рынок услуг. Коррупционные сети невелики и возникают редко. *Восточная коррупция* тесно переплетается с разветвленными сетями патрон-клиентских отношений. Права собственности имеют статусный характер, а бизнес не отделен от власти. Высок и уровень бытовой коррупции.

Латиноамериканская коррупция укоренена в сетях экономического и административно-политического обмена. Кроме того, коррупция часто выступает в качестве инструмента политического контроля и подавления, крупный капитал доминирует над властью. Права собственности плохо определены. В деловой сфере коррупция в виде прямых поборов конкурирует с коррупцией как видом услуг, широко распространена и бытовая коррупция. *Африканскую коррупцию* можно рассматривать как разновидность разветвленных патриархальных отношений в рамках расширенной семьи. Высок уровень коррупционной конкуренции между кланами. Права собственности неустойчивы, собственность не отделена от власти при силовом контроле власти над собственностью и значительном уровне распространения бытовой коррупции.

Еще одну историко-культурную разновидность коррупции мы назвали *социалистической*, возникающей в плановой экономике. Для нее характерны отсутствие частной собственности, тотальный властный контроль и развитость бытовой коррупции. В этом случае коррупция, во-первых, становится средством компенсации многочисленных дефектов централизованного планирования и управления. Во-вторых, она вызвана хроническим дефицитом и низким качеством

---

⁵ В этой типологии используются названия континентов. Это не удивительно, ибо специфика коррупции, определяемая историей и культурой различных частей света, действительно существует. Подобная терминология применялась и в других исследованиях (см., например: Paldam, 2002). Тем не менее, мы просим читателей рассматривать предлагаемые названия как условные.

товаров и услуг, в-третьих — противоречием между социалистическими идеями и реальной социальной структурой, в которой преобладают вертикальные отношения властного доминирования-подчинения или патрон-клиентские отношения феодального толка: взятки разрушают эти вертикальные отношения и уравнивают административных агентов и их клиентов.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: бытовая коррупция характерна для всех культурно-исторических видов коррупции кроме западной. Нижеприведенная культурно-историческая классификация коррупции будет применена нами для анализа российской коррупции в ретроспективе.

Смена политических режимов и коррупция в России

Россия отличается от других стран западной цивилизации тем, что ее естественное развитие было на 70 лет разрушено коммунистическим режимом: прервано успешное развитие капитализма, переход к конституционной монархии, разрушены парламентаризм и независимый суд, уничтожена свобода прессы и т. п. Вместе с тем, под социалистическим идеологическим прикрытием сохранялись имперские традиции предшествующего царского периода, позаимствовав у него, в числе прочего, неэффективный бюрократизм и коррупцию.

Царский и коммунистический режимы объединяли две важные черты. Первая — антикоррупционные преследования не распространялись на высших сановников. Вторая — на стадиях своего угасания царская империя времен Николая II и коммунистическая империя, начиная с Брежнева и до момента ее распада, использовали коррупцию как ресурс покупки лояльности бюрократии.

Тем не менее коррупция до революции 1917 г. и после нее качественно различалась. В начале XX в. коррупция в России явно шла по пути сближения с западным типом в деловой сфере, оставаясь преимущественно восточной в сфере бытовой коррупции. К концу XIX в. российская экономика уже стала весьма открытой, что влияло на деловую атмосферу. В начале XX в. в терминах введенной выше культурно-исторической классификации коррупция в России была (условно) наполовину западного типа и наполовину — восточного. Если говорить о бытовой коррупции, то она практически отсутствовала в образовании и здравоохранении, но оставалась существенной в других областях в силу укорененности патриархальных социальных отношений. Деловая коррупция в России в то время уже мало отличалась от западной.

За десятилетия советской власти был нанесен колоссальный удар по морали людей и этике общественных отношений. Это усугублялось сохранением патерналистской культуры отношений между властью и населением и способствовало сохранению и распространению бытовой коррупции, в том числе на сферу образования. Что касается деловой коррупции, то ее природа принципиально изменилась с уничтожением собственности на средства производства и с переходом

к централизованному планированию и распределению. Деловая коррупция в основном была связана с решением следующих задач: корректировка централизованных хозяйствственно-экономических планов; получение специальных преимуществ и преференций в системе централизованного распределения ресурсов; ведение теневой экономической деятельности⁶.

В целом коррупция советского периода была наполовину восточной (в сфере бытовой коррупции), а наполовину — социалистической (в сфере деловой коррупции).

Структурные изменения коррупции с перестройки до наших дней

Период правления Горбачева (1985–1991 гг.) характеризовался двумя тенденциями: разложение бюрократии и нарождение капиталистических отношений на не подготовленной к этому социально-правовой основе. Права собственности стали приобретать статусный характер⁷. Как следствие, социалистическая коррупция в деловой сфере частично вытеснялась восточной коррупцией. Советские хозяйствственные связи между руководителями производства и партийным руководством плавно преобразовывались в сети экономического и административно-политического обмена латиноамериканского толка. Вместе с тем, по мере развития кооперативного движения и последующего расширения частного предпринимательства появлялся внестатусный бизнес. Эта тенденция привела к тому, что советская коррупция в деловой сфере вытеснялась западной коррупцией. В сфере бытовой коррупции также происходило частичное вытеснение восточной коррупции западной по мере изменения статуса государства. Таким образом, коррупция времен Горбачева представляла собой смесь восточной, западной, латиноамериканской и советской коррупции.

Преобразование советской коррупции, сопровождающееся ее ростом, было довершено во времена Ельцина. Для переходных периодов характерно ослабление правового регулирования на фоне разрушения старой и запаздывающего формирования новой системы норм. С точки зрения коррупции такой период характеризуется ее ростом и, главное — качественным изменением. Появлялось много новых видов коррупции. Среди них были и свойственные западным экономикам, и присущие главным или исключительным образом России в силу ее специфического исторического дрейфа в XX в.

Главная, специфическая для России проблема, порождавшая рост коррупции в переходный период, достаточно очевидна: *70 лет советской власти, исказивших институты, сознание людей и их социальные практики*. Это соображение конкретизируется рядом обстоятельств, непосредственно повлиявших на рост коррупции.

---

⁶ Масштаб последней был огромный и до сих пор недооценен в своей функции заполнения пробелов неэффективной плановой системы. См.: Тимофеев, 2000.

⁷ Типичный пример — возникновение компании Газпром. Это касалось и возникновения частных банков.

Во-первых, уничтожались (например, в сельском хозяйстве) самые предпримчивые и талантливые работники. Режим подавлял самостоятельность мышления; формировались предубеждения против частной собственности и конкуренции, поощрялись патерналистские настроения, искажалось правосознание. Во-вторых, имели место закрытость и неподконтрольность власти, отсутствие границы между властью и собственностью, а равно и прав собственности как таковых. В-третьих, возникла проблема операционной и психологической неготовности бюрократии решать новые задачи, например, обеспечивать защиту частной собственности, что сказывалось на коррумпированности правоохранительных органов. Сформировалась традиция подчинения чиновников не закону, а инструкции и начальнику. Такие полуфеодальные отношения обусловили формирование коррупционных сетей. В-четвертых, наследием советской власти стали: слабость гражданского общества, в частности — в сфере контроля за властью; недостаточная укорененность демократических политических традиций; отсутствие независимого правосудия.

Главными факторами общего характера, действовавшими в течение большей части ельцинского периода, были: излишнее регулирование экономики; законодательные пробелы и непостоянство правил игры; масштабная приватизация государственной собственности; высокая инфляция, стимулирующая краткосрочные бизнес-стратегии; неэффективное налоговое администрирование; неэффективное исполнение бюджета; слабость банковской системы. Финансово-экономическая слабость государства снижает его способность выполнять социальные обязательства, что приводит к росту бытовой коррупции. Другим важным фактором роста коррупции является слабость правовых институтов. Способность обеспечивать верховенство права — ключевой фактор, влияющий на уровень коррупции не только в переходных экономиках, но и в странах с устоявшейся эффективной демократией (Горбуз и др., 2010).

Еще одним общим фактором роста коррупции в период экономической трансформации стала стратегия Вашингтонского консенсуса, который критикуют за список конкретных институциональных мер, направленных на либерализацию экономики и финансовое оздоровление. Между тем, дело не в конкретных мерах, а в способах создания новых институтов или трансформации старых: копирование формальных институтов не обеспечивает их жизнеспособность, но, напротив, порождает новые формы коррупции. Новые формальные нормы вступают в противоречие с укорененными неформальными нормами и практиками, что порождает неэффективность трансплантируемых институтов, а последняя, в свою очередь, вызывает коррупцию.

Во второе президентство Ельцина появились крупные отечественные собственники, что породило такой вид коррупции, как «захват государства». Крупный бизнес начал создавать свои ресурсы информационного влияния, часть бизнесменов шла в законодательные и исполнительные органы власти. К концу 1990-х годов завершился еще один процесс: десятилетняя борьба с рэкетом. «Победа» привела к тому, что вместо бандитов рэкетом начали заниматься представители правоохранительных органов.

Восточный тип коррупции сохранялся в основном в сфере бытовой коррупции. Удельный вес советской коррупции уменьшался, а запад-

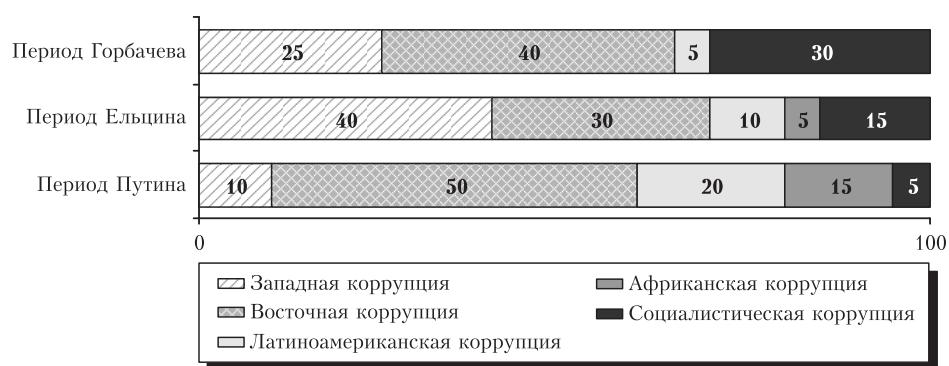
ной — рос, что было обусловлено формальным копированием западных институтов. Рост доли латиноамериканской коррупции был связан с влиянием крупного бизнеса. Что касается африканской коррупции, то она расцветала в некоторых регионах, где власть захватывали отдельные кланы, в том числе семейные (пример — Башкортостан).

С началом нового тысячелетия существенно изменился культурно-исторический профиль коррупции в России, ее масштабы начали стремительно расти. Рост коррупции в период президентства Путина был обусловлен отходом от демократических достижений времен Ельцина (разделение властей, свобода СМИ и т. д.), позволявших осуществлять внешний контроль над бюрократией.

Одновременно происходили качественные изменения коррупции. Относительно стабильной была бытовая коррупция: она росла темпами, сопоставимыми с темпами роста доходов населения (см. ниже), и сохраняла элементы советской. Основные изменения происходили в сфере деловой коррупции. Прежде всего, было довольно быстро покончено с захватом государства, и фокус сместился на захват бизнеса. Взятка перестала выполнять функцию платежа на рынке теневых административных услуг. Стремительно формировались сети коррупционной преступности. Коррупция становилась клановой на всех уровнях. Собственность снова стала приобретать статусный характер, как это было в период Горбачева. Возможность поддерживать существование бизнеса зависела от принадлежности к клану или клиентеле. Стали широко распространяться прямые поборы с бизнеса.

Описанные выше изменения последних 25 лет, охарактеризованные в терминах культурно-исторической типологии коррупции, можно представить графически (рис. 1)⁸. На диаграмме видно устойчивое падение доли социалистической коррупции, что компенсируется ростом значимости африканского и латиноамериканского типов коррупции⁹.

Примерный вклад разных культурно-исторических типов в российскую коррупцию в периоды от Горбачева до Путина

Рис. 1

⁸ Диаграмма построена на основании простых экспертных оценок трех российских экспертов, работавших в режиме согласования оценок. Поэтому не приведены конкретные процентные доли, чтобы подчеркнуть качественный, а не количественный, характер картины.

⁹ Оценивается коррупция в целом в стране, хотя, безусловно, существуют значимые региональные различия.

Динамика бытовой коррупции

В этом и следующем разделах мы рассмотрим структуру и динамику российской коррупции, как бытовой, так и деловой, по данным специальных социологических опросов, проведенных Фондом ИНДЕМ или при его методическом участии в 2001, 2005 и 2010 гг. В первых двух опросах участвовали граждане и предприниматели, в последнем — граждане. Все выборки были репрезентативными для России в целом¹⁰. Анализ данных о коррупционных практиках респондентов основан на единой методике, разработанной в Фонде ИНДЕМ в 2000 г. Она включала специальный набор вопросов о коррупционных практиках респондентов и статистические методы анализа ответов на эти вопросы¹¹.

Поясним основные используемые показатели. *Коррупционныйхват* — доля респондентов, заявивших, что хотя бы раз попадали в коррупционную ситуацию. *Риск коррупции* — доля респондентов, попавших в коррупционную ситуацию при последнем по времени взаимодействии с представителем государства. *Готовность давать взятки* — доля респондентов, давших взятку в последней по времени коррупционной ситуации. *Интенсивность коррупции* — среднее число взяток в год, приходящихся на одного взяткодателя. *Средний размер взятки* — значение, получаемое усреднением размеров взяток без учета заданного числа самых больших и самых маленьких взяток; отсечение последних обеспечивает робастность (устойчивость) значений индикатора. *Средний нормированный размер взятки-1* — средний размер взятки, отнесенный к величине прожиточного минимума. *Средний нормированный размер взятки-2* — средний размер взятки, отнесенный к величине среднегодового месячного подушевого дохода. *Среднегодовой коррупционный взнос* — среднегодовые затраты на взятки одного взяткодателя, определяются как произведение интенсивности коррупции на средний размер взятки. *Нормированный среднегодовой коррупционный взнос 1 и 2* получаются как отношение среднегодового коррупционного взноса к величинам прожиточного минимума и среднегодового месячного подушевого дохода соответственно. *Объем рынка бытовой коррупции* — оценка суммы взяток, выплаченных взяткодателями за год. *Нормированный объем рынка «бытовой» коррупции-1 и 2* получаются как отношение объема рынка «бытовой» коррупции к годовым расходам на конечное потребление домашних хозяйств и к величине ВВП соответственно.

---

¹⁰ Опросы 2001 г. проводились Фондом ИНДЕМ в рамках большого проекта, финансированного Всемирным банком. Было опрошено 2017 граждан и 709 предпринимателей. Опрос 2005 г. проводился на частные пожертвования российских предпринимателей. Было опрошено 3010 граждан и 1030 предпринимателей. Опрос 2010 г. проводился на средства федерального бюджета Российской Федерации в рамках программы мониторинга российской бытовой коррупции, осуществляемого по поручению президента Медведева. В 70 регионах России было опрошено 17 500 граждан с целью сравнения регионов друг с другом. Из этой выборки была сформирована подвыборка, репрезентирующая Россию, размером 3200 респондентов.

¹¹ Разработанная методика неоднократно оценивалась американскими и российскими экспертами и была признана корректной и консервативной. Описание методики можно найти, например, в: Сатаров, 2004; 2006.

В таблице 1 приведены значения этих показателей для 2001, 2005 и 2010 гг. Из таблицы видно, что существует устойчивая тенденция бегства граждан от взяток, что выражается в уменьшении готовности платить взятки и снижении интенсивности коррупции. Уменьшение риска коррупции в промежутке с 2005 по 2010 г. объясняется реакцией взяточников на начавшуюся борьбу с коррупцией. Вместе с тем, несколько реже беря взятки, коррупционеры компенсируют это ростом размеров взяток.

Таблица 1

Сопоставление значений характеристик рынка бытовой коррупции в России в 2001, 2005 и 2010 гг. (в %)

Характеристика	2001 г.	2005 г.	2010 г.
Коррупционный охват	50,4	54,9	51,0
Риск коррупции	25,7	35,0	28,9
Готовность давать взятки	74,7	53,2	47,3
Интенсивность коррупции	1,19	0,882	0,761
Средний размер взятки, руб.	1817	2780	5285
Средний нормированный размер взятки-1*	121	92	93
Средний нормированный размер взятки-2*	59,3	34,3	28,7
Среднегодовой коррупционный взнос, руб.	2162	2452	4022
Нормированный среднегодовой коррупционный взнос-1*	144	81	70
Нормированный среднегодовой коррупционный взнос-2*	70,6	30,0	21,8
Объем рынка «бытовой» коррупции, млн руб.	84 750	129 003	164 221
Нормированный объем рынка «бытовой» коррупции-1*	2,0	1,2	0,75
Нормированный объем рынка «бытовой» коррупции-2**	0,95	0,60	0,42

* Для 2010 г. использован прогноз.

** Для 2010 г. использован результат 2009 г.

Источник: МЭРТ, 2011.

Если оценивать динамику рынка бытовой коррупции в денежных единицах, то для корректного сравнения необходимо учитывать динамику доходов, которая, естественно, включает и инфляционную составляющую. Поэтому в таблице 1 наряду с абсолютными денежными показателями использованы относительные. Их изменение показывает, что абсолютные денежные доходы росли быстрее, чем выраженные в абсолютных единицах коррупционные расходы. Это приводит к снижению значений относительных показателей. Подобным образом падает и нормированный объем рынка бытовой коррупции. Значения последнего могут показаться небольшими. Однако следует учитывать, что суммарные годовые коррупционные расходы граждан соотносятся со всеми расходами: на жилье, еду, одежду, досуг, здоровье и т. п. Кроме того, здесь учтены расходы всего населения, включая неработоспособных, а не только расходы взяточников.

Данные таблицы 1 позволяют оценить количество коррупционных сделок, совершаемых в течение одного года на рынке «бытовой» коррупции. Такая оценка получается при делении объема коррупционного рынка на средний размер взятки. Понятно, что эта оценка может давать смещение, поскольку для более точного анализа нужно учитывать распределение числа взяток по интервалам их размера, но для приближенной оценки, используемой при расчете динамики, она вполне

адекватна. Результаты несложных вычислений таковы: в 2001 и 2005 гг. число коррупционных сделок на рынке бытовой коррупции колебалось в пределах 46–47 млн, в 2010 г. значение этого показателя снизилось до 31 млн сделок. Нетрудно убедиться, что до 2005 г. рассматриваемый показатель демонстрировал стабильность, которая обеспечивалась балансом между ростом коррупционного натиска со стороны представителей государства, с одной стороны, и бегством граждан от взяток — с другой. К 2010 г. обозначилось снижение числа коррупционных сделок на треть от начального уровня. Это обусловлено, скорее всего, символическим влиянием идущей в России антикоррупционной кампании и в большей степени характерно для бытовой коррупции.

Статистический анализ показывает, что в социальном пространстве распределение коррупционных практик слабо зависит от социальных позиций. Ключевым фактором является интенсивность взаимодействия членов социальных групп с государством.

Совсем иная картина характерна для специальных рынков бытовой коррупции. Начнем исследование со сравнения структуры этих рынков, которую отражает доля коррупционных сделок на каждом из них. Соответствующие данные приведены в таблице 2. Сравниваются

Таблица 2

**Сравнение структуры рынка бытовой коррупции в 2005 и 2010 гг.
по доле взяток (коррупционных сделок)**

Ситуация	2005 г.		2010 г.	
	доля, %	ранг	доля, %	ранг
1. Получение бесплатной медицинской помощи в поликлинике (анализы, прием у врача и т. п.), в больнице (серьезное лечение, операция, нормальное обслуживание и т. п.)	23,2	1	26,3	1
2. Дошкольные учреждения (поступление, обслуживание и т. п.)	2,8	12	6,0	4
3. Школа: поступить в нужную школу и успешно ее окончить, обучение, «взносы», «благодарности» и т. п.	3,0	11	1,9	14
4. Вуз: поступить, перевестись из одного вуза в другой, экзамены и зачеты, диплом и т. п.	11,8	2	9,1	3
5. Пенсии: оформление, пересчет и т. п.	2,1	16	1,8	15
6. Социальные выплаты: оформление прав, пересчет и т. п.	5,0	8	2,7	12
7. Решение проблем в связи с призывом на военную службу	2,4	15	1,2	16
8. Работа: получить нужную или обеспечить продвижение по службе	6,9	4	4,1	7
9. Земельный участок: приобрести (для дачи или ведения своего хозяйства) и/или оформить право на него	2,8	13	3,6	9
10. Жилплощадь: получить и/или оформить юридическое право на нее, приватизация и т.п.	6,9	5	4,4	6
11. Получить услуги по ремонту, эксплуатации жилья у муниципальных служб по эксплуатации (ДЭЗ и пр.)	5,6	6	4,9	5
12. При обращении в суд	3,2	9	3,2	10
13. При обращении за помощью и защитой в милицию	3,1	10	3,7	8
14. Получить регистрацию по месту жительства, паспорт или заграничный паспорт, разрешение на оружие и т. п.	5,3	7	2,9	11
15. Урегулировать ситуацию с автоинспекцией (получение прав, техосмотр, нарушение правил дорожного движения и т. п.)	11,2	3	17,9	2
16. Зарегистрировать сделки с недвижимостью (дома, квартиры, гаражи и т. п.)	2,5	14	2,1	13

только данные за 2005 и 2010 гг., поскольку в 2001 г. исследованием был изначально задан несколько иной перечень специальных рынков бытовой коррупции.

Для удобства сопоставления в этой и следующих таблицах приводится значение характеристики вместе с ее рангом; ранг 1 приписывается самому высокому значению. В таблицах темно-серым цветом выделяются отдельные строки с данными, свидетельствующими о значительной и показательной динамике¹². В таблице 2 цветом выделены два рынка, которые характеризуются значимым ростом доли на общем рынке бытовой коррупции: это касается дошкольных учреждений и автоинспекции. Первое место здравоохранения обусловлено тем, что здоровье — самое востребованное публичное благо. Мощную негативную динамику демонстрирует бытовая коррупция и в дошкольных учреждениях. Объяснение состоит в том, что в этой сфере государственных услуг сформировался огромный дефицит, что и обуславливает коррупцию социалистического типа. Динамику коррупции среди дорожной полиции мы обсудим ниже.

В следующих таблицах приведены данные и за 2001 г., но только для тех специальных рынков бытовой коррупции, которые тогда были включены в перечень. Рынки, не участвующие в сравнениях, представлены пустыми затененными клетками.

Анализируя данные таблицы 3, следует помнить об общей тенденции, зафиксированной в таблице 1: уменьшение риска коррупции в целом на рынке бытовой коррупции. Поэтому в таблице 3 выделены три рынка: *с существенным падением риска коррупции* — получение помощи в милиции, *с отсутствием такого падения* — автоинспекция, которая сохраняет лидирующее положение, и *со значимым ростом риска коррупции* — ситуация получения нужной работы или продвижения по службе (этот рынок с одного из последних мест передвинулся на пятое)¹³. Можно обратить внимание на то, что при лидирующем положении бытовой коррупции в структуре специальных рынков здравоохранение существенно уступает большинству других рынков по риску коррупции. Зафиксированное падение риска коррупции в милиции отчасти сопряжено с произошедшими за последние пять лет структурными изменениями: из ведения милиции выведены миграция и регистрация по месту жительства (вместе с паспортами).

Напомним, что готовность давать взятки в бытовой коррупции в целом также снижалась. С учетом этого обстоятельства в таблице 4 выделено три особых случая. Первый — неожиданный двукратный рост готовности давать взятки в сфере пенсионных услуг. Возможное объяснение — выход на пенсию поколения, в последние годы осваивавшего коррупционные практики. Второй — столь же существенное падение в сфере услуг по безопасности граждан. Возможно, это свя-

¹² Анализ статистической значимости различий подробно проанализирован в: Сатаров (в печати). Не будет проводиться сравнение по коррупционному охвату (он не имеет смысла для специальных рынков) и по нормированным характеристикам, поскольку использованные нормировочные коэффициенты одинаковы для всех специальных рынков бытовой коррупции.

¹³ Этот вид коррупции не всегда составляет часть государственной коррупции. Но он крайне важен для граждан, что и послужило причиной его включения в социологический опрос.

Таблица 3

**Сравнение специальных рынков бытовой коррупции
в 2001, 2005 и 2010 гг. по величине риска коррупции (R)**

Ситуация	2001	2005		2010	
		R	r	R	r
1. Получение бесплатной медицинской помощи в поликлинике (анализы, прием у врача и т.п.), в больнице (серьезное лечение, операция, нормальное обслуживание и т. п.)	23,5	37,7	9	25,5	12
2. Дошкольные учреждения (поступление, обслуживание и т. п.)		55,9	3	51,2	2
3. Школа: поступить в нужную школу и успешно ее окончить, обучение, «взносы», «благодарности» и т. п.	13,2	41,0	5	34,5	6
4. Вуз: поступить, перевестись из одного вуза в другой, экзамены и зачеты, диплом и т. п.	36,0	52,1	4	45,9	3
5. Пенсии: оформление, пересчет и т. п.	11,3	11,4	16	13,0	16
6. Социальные выплаты: оформление прав, пересчет и т. п.	16,2	19,8	15	14,7	15
7. Решение проблем в связи с призывом на военную службу	32,6	57,7	2	40,0	4
8. Работа: получить нужную или обеспечить продвижение по службе	24,6	29,2	14	39,2	5
9. Земельный участок: приобрести (для дачи или ведения своего хозяйства) и/или оформить право на него	14,9	39,8	7	33,3	7
10. Жилплощадь: получить и/или оформить юридическое право на нее, приватизация и т.п.	28,9	34,3	10	28,4	10
11. Получить услуги по ремонту, эксплуатации жилья у муниципальных служб по эксплуатации (ДЭЗ и пр.)	32,2	29,5	13	30,3	9
12. При обращении в суд	26,2	39,5	8	31,1	8
13. При обращении за помощью и защитой в милицию	27,4	40,2	6	26,3	11
14. Получить регистрацию по месту жительства, паспорт или заграничный паспорт, разрешение на оружие и т. п.	19,7	32,7	12	23,0	14
15. Урегулировать ситуацию с автоинспекцией (получение прав, техосмотр, нарушение правил дорожного движения и т. п.)	59,3	59,6	1	52,4	1
16. Зарегистрировать сделки с недвижимостью (дома, квартиры, гаражи и т. п.)		33,3	11	24,4	13

Примечание. Для 2005 и 2010 гг. приведен ранг (r) риска коррупции; ранг 1 приписан рынку с самым высоким риском коррупции.

зано с изменением отношения граждан к милиции. В том же ряду третий случай: столь же масштабное падение готовности платить взятки в сфере призыва на военную службу. Это можно объяснить институциональными изменениями (существенным сокращением срока службы по призыву). Высокая готовность платить взятки в здравоохранении и при решении проблем с дорожной полицией имеет разную природу. В первом случае влияет высокая цена отказа от взятки для тех, у кого не хватает средств на платную медицину. Во втором случае определяющей является специфика взяткодателей: автовладельцы, как правило, — люди с достатком, позволяющим платить взятки.

При сравнении различных специальных рынков бытовой коррупции объем этих рынков служит одним из интегральных показателей, характеризующих их динамику. В таблице 5 представлена соответствующая информация. Мы наблюдаем резкий рост коррупционных оборотов на двух специальных рынках. Первый — «услуги», предоставляемые дорожной полицией (более чем в три раза). В промежутке с 2001 по 2005 г. этот рынок сократился, что было вызвано рядом

Таблица 4

**Сравнение специальных рынков бытовой коррупции в 2001, 2005 и 2010 гг.
по величине готовности давать взятку (R)**

Ситуация	2001	2005		2010	
		R	г	R	г
1. Получение бесплатной медицинской помощи в поликлинике (анализы, прием у врача и т.п.), в больнице (серьезное лечение, операция, нормальное обслуживание и т. п.)	80,4	62,0	5	53,5	3
2. Дошкольные учреждения (поступление, обслуживание и т. п.)		67,5	2	42,1	6
3. Школа: поступить в нужную школу и успешно ее окончить, обучение, «взносы», «благодарности» и т. п.	76,2	60,8	6	50,0	4
4. Вуз: поступить, перевестись из одного вуза в другой, экзамены и зачеты, диплом и т. п.	66,7	63,2	4	54,8	2
5. Пенсии: оформление, пересчет и т. п.	50,0	17,1	16	34,8	10
6. Социальные выплаты: оформление прав, пересчет и т. п.	47,4	30,6	15	32,4	12
7. Решение проблем в связи с призывом на военную службу	50,0	63,4	3	33,3	11
8. Работа: получить нужную или обеспечить продвижение по службе	80,0	35,0	13	38,5	8
9. Земельный участок: приобрести (для дачи или ведения своего хозяйства) и/или оформить право на него	75,0	51,1	8	37,8	9
10. Жилплощадь: получить и/или оформить юридическое право на нее, приватизация и т.п.	75,6	41,9	11	30,9	14
11. Получить услуги по ремонту, эксплуатации жилья у муниципальных служб по эксплуатации (ДЭЗ и пр.)	60,5	31,6	14	32,3	13
12. При обращении в суд	59,4	43,6	10	30,0	15
13. При обращении за помощью и защитой в милицию	77,3	54,7	7	28,3	16
14. Получить регистрацию по месту жительства, паспорт или заграничный паспорт, разрешение на оружие и т. п.	76,0	48,9	9	45,9	5
15. Урегулировать ситуацию с автоинспекцией (получение прав, техосмотр, нарушение правил дорожного движения и т. п.)	86,0	68,9	1	69,3	1
16. Зарегистрировать сделки с недвижимостью (дома, квартиры, гаражи и т. п.)		40,0	12	40,7	7

Примечание. Для 2005 и 2010 гг. приведен ранг (г) значения величины R; ранг 1 присвоен рынку с самой высокой готовностью давать взятку.

причин, первая из которых — институциональная, связанная с появлением мирового судопроизводства. В последние годы руководство дорожной полиции предприняло немало «усилий» в сфере нормативного регулирования для восстановления рынка коррупции на дорогах, что также видно по результатам данного исследования.

Годовые доходы от коррупции на рынке услуг по безопасности, которые должна предоставлять милиция, выросли с 2005 по 2010 г. почти в 13 (!) раз. Здесь причины роста коррупции кроются в неэффективности предоставления государственных услуг, глобальном разложении системы и полной потере управляемости. Не случайно полиция сейчас стала главным объектом общественной критики и постоянной заботы государства, занявшегося реформированием этой сферы¹⁴.

¹⁴ Мы обращаем внимание читателей, что падение спроса на коррупцию касалось бытовой коррупции в целом. При этом может происходить рост бытовой коррупции на отдельных специальных рынках.

Таблица 5

**Сравнение специальных рынков бытовой коррупции в 2001, 2005 и 2010 гг.
по величине годового объема рынка (R, млн руб.)**

Ситуация	2001	2005		2010	
		R	г	R	г
1. Получение бесплатной медицинской помощи в поликлинике (анализы, прием у врача и т.п.), в больнице (серьезное лечение, операция, нормальное обслуживание и т. п.)	18 072	17 145	2	35 295	1
2. Дошкольные учреждения (поступление, обслуживание и т. п.)		3635	10	13 838	5
3. Школа: поступить в нужную школу и успешно ее окончить, обучение, «взносы», «благодарности» и т. п.	2103	3950	8	1743	12
4. Вуз: поступить, перевестись из одного вуза в другой, экзамены и зачеты, диплом и т. п.	13 481	24 941	1	20 783	3
5. Пенсии: оформление, пересчет и т. п.		9	337	16	1479
6. Социальные выплаты: оформление прав, пересчет и т. п.	199	3434	12	1858	11
7. Решение проблем в связи с призовом на военную службу	380	15 117	3	2090	10
8. Работа: получить нужную или обеспечить продвижение по службе	1685	6129	7	4068	8
9. Земельный участок: приобрести (для дачи или ведения своего хозяйства) и / или оформить право на него	603	3609	11	849	16
10. Жилплощадь: получить и / или оформить юридическое право на нее, приватизация и т.п.	3691	12 766	4	4074	7
11. Получить услуги по ремонту, эксплуатации жилья у муниципальных служб по эксплуатации (ДЭЗ и пр.)	680	665	15	1039	15
12. При обращении в суд	8234	8958	5	4956	6
13. При обращении за помощью и защитой в милицию	898	1265	14	16 211	4
14. Получить регистрацию по месту жительства, паспорт или заграничный паспорт, разрешение на оружие и т. п.	1975	3749	9	3900	9
15. Урегулировать ситуацию с автоинспекцией (получение прав, техосмотр, нарушение правил дорожного движения и т. п.)	11 051	7835	6	24 436	2
16. Зарегистрировать сделки с недвижимостью (дома, квартиры, гаражи и т. п.)		2361	13	1087	14

Примечание. Для 2005 и 2010 гг. приведен ранг (г) средней взятки; ранг 1 приписан рынку с самым высоким средним размером взятки.

В таблице 5 выделено несколько коррупционных рынков с возросшими годовыми доходами. Более чем в 2 раза выросли доходы на рынке медицинских услуг, что вывело его на первое место. «Рывок» с 10-го на 5-е место совершили дошкольные учреждения, увеличив объемы своих коррупционных доходов почти в 4 раза. В этом случае рост коррупции обусловлен ростом дефицита данного рода услуг.

Одновременно мы наблюдаем и не менее впечатляющие примеры сокращения коррупционных рынков. Пожалуй, самый яркий пример — призыв на военную службу. Здесь с 2001 по 2005 г. наблюдался бурный рост коррупционного рынка, но в последние годы произошло более чем семикратное сокращение его объема, что стало результатом целенаправленных усилий военного руководства. Еще на двух рынках услуг сходным образом (в 3—4 раза) сокращались коррупционные обороты — оба они связаны с регистрацией недвижимости.

Объем коррупционного рынка — удобный индикатор при анализе динамики специальных рынков, но он не позволяет проводить их сравнения, поскольку различия в объемах рынков во многом объясня-

ются различиями в интенсивности использования гражданами разных услуг. Поэтому для интегрального сравнения рынков бытовой коррупции нужен специально сконструированный индикатор, основанный на характеристиках, не зависящих от интенсивности взаимодействия граждан с той или иной сферой государственных услуг. В нашем случае это риск коррупции, готовность платить взятки и средний размер взятки. Значение каждой характеристики преобразуется линейным образом так, чтобы минимальным значением был 0, а максимальным — 1. После этого преобразованные значения усредняются. Новая интегральная величина «Уровень бытовой коррупции» также находится в интервале от 0 до 1. Результаты описанных вычислений приведены на рисунке 2.

Значения обобщенного индикатора «Уровень бытовой коррупции» для 16 специальных рынков бытовой коррупции по данным 2010 г.

Rис. 2

Мы видим, что лидирующее положение занимают два рынка: высшее образование и дорожная полиция. Далее с некоторым отрывом идут призыв на военную службу и дошкольные учреждения.

Динамика деловой коррупции в России

Как упоминалось выше, имеются результаты только двух больших опросов по деловой коррупции — 2001 и 2005 гг. Поэтому основные данные о динамике деловой коррупции в России будут касаться этого временного интервала. Для последующего периода будут даны некоторые качественные оценки. Особенности социологической коммуникации с предпринимателями не позволяли задавать им вопросы, подобные тем, которые задавались обычным гражданам. Поэтому перечень характеристик, которыми мы будем описывать практику деловой коррупции, будет короче. Мы ограничимся следующими характеристиками: коррупционный охват¹⁵, интенсивность коррупции,

¹⁵ В данном случае коррупционный охват трактуется несколько иначе — как доля предпринимателей, хотя бы раз дававших взятку по делам своего бизнеса.

средний размер взятки и объем рынка. Перечисленные характеристики рынка деловой коррупции в целом представлены в таблице 6.

Приведенные в таблице данные поражают: абсолютный размер взятки *вырос более чем в 13 раз*; объем рынка деловой коррупции вырос в 9 раз, притом что интенсивность несколько снизилась, а коррупционный охват не изменился. Сопоставление объема коррупционного рынка с оборотом заставляет сделать вывод, что предприниматели отчисляют *почти третью своего дохода на взятки*, что представляется совершенно неправдоподобным. Недоумение подкрепляется тем обстоятельством, что приводимые оценки характеристик практики деловой коррупции являются оценками снизу — реальный объем коррупции выше¹⁶. Поэтому приведенные данные нуждаются в комментариях и обосновании.

Т а б л и ц а 6

**Сопоставление значений характеристик рынка деловой коррупции
в России в 2001 и 2005 гг.**

Основные компоненты оценки рынка	2001	2005
Коррупционный охват, %	81,7	81,2
Интенсивность коррупции	2,25	1,8
Средний размер взятки, 1000 долл.	11,0	137,23
Объем рынка деловой коррупции, млрд долл.	33,8	318,0
Объем рынка деловой коррупции относительно объема ВВП, %	11,2	53,7
Объем рынка деловой коррупции относительно величины оборота, %	6,3	30,8

Начнем с размера взяток. Постоянный тщательный статистический анализ социологических данных (Сатаров, в печати) показал следующее. Выборочное распределение размера взяток в сфере деловой коррупции весьма надежно аппроксимируется «склейкой» двух логнормальных распределений. Первая часть склейки соответствует «типовым» взяткам, вторая — «большим» взяткам. В 2001 г. на «большие» взятки приходилось 5% всех наблюдений. В 2005 г. эта доля выросла в пять раз, причем одновременно выросли как «типовые», так и «большие» взятки, последние — особенно резко.

Чтобы оценить реальный масштаб этой динамики, надо учесть сопутствующий рост экономики и оборота фирм. Тут возникает проблема нормирующих показателей, и для ее решения мы решили оценивать динамику «покупательной способности» взяток посредством сопоставления среднего размера взятки со средней по России стоимостью одного квадратного метра жилья на первичном рынке¹⁷. Результаты расчетов показали следующее: в 2001 г. на взятку среднего размера

¹⁶ Данный факт подтверждается тем, что метод социологических опросов сопровождается некоторыми ограничениями. Во-первых, в выборку не попадает криминальный бизнес (наркотики, торговля людьми, контрабанда и т. п.) и сверхкрупный бизнес. Во-вторых, чем выше взятки, тем вероятнее уклонение от ответа во время опроса. В-третьих, сама методика статистического оценивания ориентирована на консервативные оценки.

¹⁷ Бессмысленно использовать стандартные показатели, вроде стоимости корзины, поскольку потребительская корзина обычного россиянина отличается от потребительской корзины среднего российского предпринимателя. С другой стороны, недвижимость — популярная сфера вложения коррупционных доходов, причем не только для потребления, но и для накопления.

можно было купить 30 квадратных метров жилья; в 2005 г. стало возможным купить 209 квадратных метров жилья — в семь (!) раз больше. Хотя цены на этом рынке росли в эти годы стремительно.

Однако при таком объеме рынка деловой коррупции приведенных объяснений недостаточно. Проведем небольшое сопоставление. В 2005 г. суммарный доход от экспорта сырой нефти, нефтепродуктов и газа составил, по официальным данным, 149 млрд долл. Величина суммарного коррупционного дохода представителей власти от взяток на рынке деловой коррупции, по нашей оценке, не меньше 318 млрд долл. Следовательно, доходы от деловой коррупции более чем в два раза превосходят доходы от экспорта углеводородов. Эта дало нам основание в начале статьи назвать коррупцию основной отраслью российской экономики.

Проанализируем с учетом этого обстоятельства цифры, характеризующие объем рынка деловой коррупции. Прежде всего, надо отметить следующее. Хотя с 1996 г. в России расчет ВВП и оборота ведется (формально) по Системе национальных счетов (СНС), ее требования полностью не выполняются. В частности, резко занижается масштаб теневой экономики, а коррупция, как то требуется по стандартам СНС, не учитывается вовсе. Независимые оценки теневой экономики в России резко превосходят официальные данные. Наши расчеты, результаты которых совпадают с результатами других экспертов (Ясин, Шестоперов, 2010), показывают, что к 2005 г. теневой оборот составил примерно 40% от реальной оценки полного («белого» и теневого вместе) оборота (без учета коррупции)¹⁸. При такой оценке отношение объема рынка деловой коррупции к обороту достигает 17%.

Рост коррупции и рост теневой экономики тесно взаимосвязаны. Одна из причин состоит в том, что взятки частично выполняют роль своеобразного налога с теневого оборота. С другой стороны, высокие коррупционные доходы усугубляют проблему их использования, расширяя сферу теневого потребления.

Второй аспект, который мы должны обсудить, анализируя объем рынка деловой коррупции в России, касается природы этого показателя: он характеризует суммарный годовой доход взяткодателей, но не совпадает с суммарными годовыми потерями от взяток для предпринимателей. Это связано с тем, что часть коррупционных доходовозвращается на рынок для коррупционного потребления. Можно сказать, что мы вправе ввести параметр, который можно назвать «пределная склонность к коррупционному потреблению», который оценивается долей коррупционных доходов, в течение года возвращающихся на внутренний рынок для потребления. Легко подсчитать, что при разумном росте предельной склонности к коррупционному потреблению суммарные годовые потери от выплат взяток для всего бизнеса могут уменьшаться в два-три раза. Наши вполне консервативные подсчеты, учитывающие перечисленные выше соображения, показывают, что чистые годовые затраты всего бизнеса на выплаты взяток составляли

---

¹⁸ Под теневым оборотом здесь имеется в виду часть экономической активности, выведенная из-под налогообложения.

в 2005 г. сумму в 7–10% от полного оборота. Последняя цифра представляется более чем реальной¹⁹.

Итак, зафиксированный рост деловой коррупции обусловили три процесса. Первый: примерно в два раза выросла доля месячного оборота, отчисляемая фирмами на выплату взяток (имеется в виду совокупный оборот — легальный и теневой). Второй процесс: с 5 до 25% выросла доля крупных взяток в общем массиве взяток. Третий: возросли полные обороты фирм. По нашим данным, медиана распределения фирм по месячному обороту выросла более чем в 3 раза. Мы утверждаем также, что главный вклад в это изменение вносит рост теневого оборота, опережающий рост легального оборота.

Мы полагаем, что дело Ходорковского оказало определенное воздействие на рост коррупции, но само это дело и его эффект имели *общие* фундаментальные причины, лежащие как в сфере политики, так и в сфере экономики. Мы начнем с экономического аспекта, а для обсуждения привлечем понятие *альтернативные издержки*. Будем предполагать, что предприниматель осуществляет выбор между двумя линиями поведения: правовая стратегия (честность) и коррупционная стратегия. Каждая стратегия приводит к своим издержкам, в которые входят прямые затраты, оценки рисков различного рода негативных последствий, моральные оценки и т. п. Принимая решение, предприниматель взвешивает оцененные им издержки двух стратегий и выбирает ту, которая сопряжена с меньшими издержками. Поэтому если издержки правовой стратегии выше, чем коррупционной, это должно приводить к общему росту коррупции.

Начиная с исследования 2001 г., в анкету предпринимателей включался вопрос, который позволял соизмерять оценку предпринимателями издержек честного и коррупционного поведения. С высоким уровнем статистической значимости было установлено, что высокие затраты на соблюдение правовых норм рассматриваются предпринимателями как более существенное препятствие, чем затраты на взятки, причем затраты на «правильное» поведение выросли с 2001 по 2005 г. из-за действий бюрократии (Сатаров, 2012).

Структура политической и деловой коррупции

Все многообразие видов деловой коррупции может быть классифицировано по двум принципиально различным основаниям: кому платят и кто платит. Первое основание порождает классификацию видов коррупции по специальным рынкам: по ветвям власти (законодательной, исполнительной, судебной) и видам регулирования (нефинансовое контрольное, надзорное; фискальное, налоговое; лицензионное; таможенное; правоохранительное). Второе основание порождает классификацию видов коррупции в соответствии с различными группами

---

¹⁹ К сожалению, у нас нет возможности сравнить наши результаты с данными других исследований. В тех редких случаях, когда в анкеты включаются вопросы о размере взяток, не оценивается интенсивность коррупции, что необходимо для вычисления объема коррупционного рынка.

взяткодателей. Мы начнем с сопоставления типов взяткополучателей, используя структуру специальных рынков коррупции, то есть долю взяток, приходящихся на каждый рынок (сопоставление средних размеров взяток не выявило значимых различий). Мы видим из рисунка 3, что наибольшая доля взяток приходится на исполнительную власть.

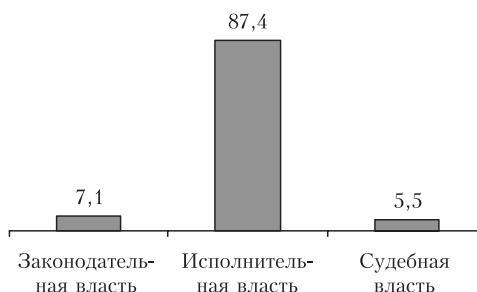
Полученный результат — прямое следствие предельной зарегулированности экономической деятельности. Указанная структура фиксировалась и по данным 2001 г. Не наблюдается зависимости между масштабом бизнеса (малый, средний, большой) и тяготением к той или иной ветви власти при коррупционных взаимодействиях.

Судебная власть на приведенной выше диаграмме оказывается наименее коррумпированной. Как показывают недавно проведенные исследования Фонда ИНДЕМ (Горбуз и др., 2010), судебная власть в России поделена на три неравномерных сегмента. В один сегмент входят дела, в которых не просматриваются, за редкими исключениями, интересы некоей третьей стороны. Сюда входят почти все дела гражданского судопроизводства, большая часть арбитражных дел и довольно существенная часть дел административного судопроизводства. Этот сегмент включает большинство общего массива дел, рассматриваемых в судах, и они решаются, как правило, без нарушений процедур и норм права. Второй сегмент образует уголовное судопроизводство. Оно не очень коррумпировано, но характеризуется огромным обвинительным уклоном: не более 0,5% оправдательных приговоров.

Наиболее важен третий сегмент: это дела, в которых существует влияние третьей стороны. Это может быть политическое влияние, как в известном деле Ходорковского и Лебедева. К той же категории дел относятся все дела о нарушении избирательных прав. Другая категория дел в этом сегменте характеризуется наличием стороннего коммерческого интереса. Этот сегмент российского правосудия относительно небольшой, но его влияние крайне велико по его негативным последствиям для страны.

Важную часть политической коррупции²⁰ в России составляет коррупция в сфере политической конкуренции. В середине 2000-х годов под предлогом борьбы с терроризмом политическое устройство было изменено. Непосредственное отношение к коррупции имеет принятие новых законов о выборах в Государственную Думу и о выборах президента страны.

**Доля взяток, приходящихся на каждую из ветвей власти, во всей совокупности зафиксированных коррупционных сделок, 2005 г.
(в % от числа респондентов)**

Rис. 3

²⁰ Под политической коррупцией мы понимаем незаконное использование властных полномочий для укрепления собственной власти.

В статье Персона и соавторов (Persson et al., 2003) различные избирательные системы были охарактеризованы двумя параметрами: первый — уровень барьеров для входа на политический рынок, второй — степень независимости избираемых от избирателей. Было показано, что чем выше уровень барьеров и выше степень независимости избираемых от избирателей, тем выше уровень коррупции в стране. Изменения, внесенные в избирательное законодательство, значительно подняли барьеры для политических партий, с одной стороны, а с другой — ограничили участие граждан. Политическая коррупция этим не исчерпывается. К ее постоянным проявлениям можно отнести торговлю административными постами на всех уровнях власти и принятие законов по мотивам, далеким от интересов избирателей.

Вернемся к рутинным функциям исполнительной власти. Структура специальных рынков коррупции по сферам экономического регулирования довольно стабильна. Дополнительный анализ показывает, что малому бизнесу чаще (по сравнению с бизнесом другого масштаба) приходится платить взятки представителям правоохранительных органов. Крупный бизнес в основном платит налоговым органам, а средний — лицензирующему. Отдельного рассмотрения заслуживает аспект коррупционного влияния милиции. В 1990-е годы были открыты широкие возможности контроля над частными собственниками, что особенно касается законов, регулирующих работу милиции. Это быстро привело к масштабной коррупции, особенно в сфере малого бизнеса. Позднее неоднократно предпринимались попытки внести изменения в законы и снизить коррупционное давление полиции на бизнес, однако мы видим, что оно не просто сохранялось, но даже росло.

Выше отмечалось, что коррупция является одной из форм адаптации (в данном случае — бизнеса) к дефектам институциональной среды. Предпринятый в наших исследованиях анализ позволил выявить типы таких стратегий и оценить их влияние на успешность бизнеса (Сатаров, в печати). Наибольшего успеха сегодня добиваются предприятия, идущие двумя путями. Первый путь — коррупция. Хотя взятки для них обременительны, они вынуждены идти на это в силу ощущаемой ими неэффективности государственного регулирования и значительных административных препятствий. Другой путь к реализации успешности бизнеса — захват бизнеса властью. Предприятия, идущие по этому пути, достаточно крупные, более того — вступают в сильные партнерства. В итоге им практически нет необходимости прибегать к обычной коррупции в виде дачи взяток.

Следующая по результативности стратегия — систематически «подкармливать» представителей власти в сравнительно небольших размерах, превращая их в «бизнес-партнеров». Подчеркнем, что этой стратегии придерживается достаточно небольшое число предприятий. Она, по-видимому, неустойчива по сравнению с другой, которой пользуются многочисленные и успешные предприятия: давать средние по размеру взятки «своим людям» и активно прибегать к блату. Остальные стратегии менее успешны, к примеру — редко давать взятки, причем в небольших размерах. Результатом (а возможно, и причиной) выбора такой стратегии является очень низкая эффективность бизнеса.

Таким образом, в настоящее время эффективны, с точки зрения успешности бизнеса, по существу, лишь две стратегии: «сдача» свое-

го бизнеса представителям власти и «взятие» представителей власти на регулярное содержание. Все остальные стратегии либо неустойчивые, либо не приводят к успеху в бизнесе.

Альтернативная классификация стратегий бизнеса на основе использования неформальных практик различного вида предлагается в статье Леденевой и Шекши (2011). Результаты проведенного авторами исследования показали, что по сравнению с 2000 г. значительно сократился уровень прямого вымогательства. В то же время отмечается тенденция к усилению давления со стороны чиновников, а также появление все новых политиков из числа бывших криминальных авторитетов. Еще одним существенным изменением можно назвать переход от взяток в наличной форме к более сложным, долгосрочным схемам.

Мы не располагаем надежными социологическими данными о динамике деловой коррупции после 2005 г., но можем судить об общей тенденции по косвенным свидетельствам. По сообщениям правоохранительных органов, в частности, можно судить (приблизительно, конечно) об увеличении размеров взяток. Начатая президентом Медведевым антикоррупционная кампания имеет негативное влияние: один из крупных предпринимателей сказал про представителей власти: «Они теперь берут как в последний раз», намекая на резкое увеличение размеров взяток. Таким образом, в 2000–2009 гг. коррупция в России росла, прежде всего – деловая, и уже к 2004 г. существенно превзошла уровень конца 1990-х. Помимо социологических данных (в частности – исследований Фонда ИНДЕМ), это фиксируется данными уголовных преследований, которые указывают на стремительный рост размеров взяток. В 2008 г. кандидат в президенты Д. Медведев во время своей избирательной кампании вынужден был говорить о недопустимости торговли правительственными должностями. В 1990-е годы эта тема не поднималась даже оппозицией (хотя есть косвенные свидетельства отдельных редких случаев).

Последствия коррупции в России

Россия является страной с масштабной эндемической коррупцией. В таком состоянии коррупция из эпизодического отклонения от моральных и юридических правил превращается в несущую конструкцию власти, норму взаимоотношений граждан и государства. В таком критически болезненном состоянии практически каждое негативное последствие превращается в вызов. Перечень основных последствий проблем-вызовов приведен ниже.

Коррупция становится источником коррупции. Речь идет о лавинообразном процессе, в котором коррупция порождает коррупцию. Мы исходим из общего положения, согласно которому коррупция является следствием неэффективности, наподобие дефектов управления или проблем общественных отношений. Масштабная коррупция порождает новые дефекты и проблемы, а они, в свою очередь, порождают новые разновидности коррупции и приводят к экспансии уже существующих ее видов. В итоге коррупция становится главным

источником проблем для страны и общества, что и происходит сейчас в России (Cheloukhine, King, 2007).

Коррупция — гигантская институциональная ловушка. Большинством — во власти и в обществе — издержки, сопряженные с преодолением коррупции, воспринимаются как существенно превосходящие текущие издержки от самой коррупции.

Привыкание к коррупции. По разным социологическим данным, не менее половины российских граждан хотя бы раз в своей жизни попадали в коррупционную ситуацию. Коррупция стала неформальной практикой, носящей массовый характер. В такой ситуации неформальная практика превращается в неформальную норму, осуждаемую на словах, но приемлемую по факту применения, что сильно затрудняет противодействие ей.

Коррупция — угроза национальной безопасности. Этую мысль неоднократно высказывали как эксперты, так и представители власти. Масштабной коррупцией охвачены все силовые и правоохранительные ведомства, а коррупция в них эквивалентна их неэффективности. Следовательно, неконтролируемо растут риски любых других угроз.

Коррупция — угроза общественной безопасности. Снова важно вспомнить об эквивалентности коррупции и неэффективности, в частности — неэффективности контроля за соблюдением стандартов в разных областях (строительство, пожарная безопасность, уход за детьми и т. п.).

Коррупция обуславливает деградацию «человеческого капитала». Выше отмечалось, что здравоохранение и образование относятся к числу наиболее развитых рынков бытовой коррупции. Поэтому в результате коррупции снижаются продолжительность жизни и уровень здоровья людей, деградирует интеллектуальный капитал. Не менее разрушительно влияние коррупции на базовые социальные отношения, на мораль, что опять же приводит к росту коррупции и равнодушию к возможным негативным последствиям этого роста.

Коррупция разрушает сферу права. Речь идет о базовых правовых отношениях в обществе, без которых его нормальное существование немыслимо. Коррупция выражается, в частности, в избирательном применении законов (типичный пример — дело ЮКОСа), в результате чего формируется альтернативная теневая квазиправовая система, сосуществующая с официальным правом, искажая и разрушая его. С этим последствием связано другое, еще более серьезное — катастрофически растущий разрыв между законами и их исполнением.

Коррупция формирует в России аномальную экономику. В такой экономике перестают действовать фундаментальные экономические законы. Частный пример: главным источником инфляции издержек становится коррупция. Причина очевидна: когда взятки становятся стандартными издержками бизнеса, компенсация этих издержек залогируется в цену товара. При этом невозможно снизить инфляцию стандартными методами, что и подтвердил опыт России 2000-х годов.

Все восемь перечисленных следствий-вызовов взаимодействуют в различных сочетаниях друг с другом и усиливают друг друга, раскручивая спираль коррупции и усугубляя ее негативные последствия.

* * *

Выше неоднократно упоминалось о том, что коррупция — всегда следствие неэффективности, в первую очередь речь идет о неэффективности управления. В случае России и ее огромной эндемической коррупции это проявляется в том, что бюрократия во многом вышла из подчинения верховной власти во всем, что касается реализации стандартных, предусмотренных законами функций государства, а критическая неэффективность власти делает социально-политическую ситуацию взрывоопасной. Именно этим обусловлены спорадические попытки верховной власти ограничить коррупцию, в том числе и самая масштабная, начатая Медведевым. Но есть веские основания сомневаться в успехе этих усилий. С 2009 г. были приняты два национальных плана противодействия коррупции, а также стратегия. Все это было сделано без участия профессионалов, какого-либо предварительного анализа ситуации, принятия индикаторов, указывающих на эффективность противодействия коррупции.

Мы обязаны констатировать, что противодействие коррупции в России станет возможным только при условии ликвидации монопольного всевластного положения бюрократии. Это означает необходимость восстановления в России политической конкуренции, разделения властей и свободы негосударственного сектора — предпринимательства, СМИ, общественных организаций. Тогда станет возможным применение различных рецептов, учитывающих, в том числе, накопленный негативный опыт.

Список литературы

- Галицкий Е., Левин М. (2007). Коррупционные взаимоотношения бизнеса и власти (опыт эмпирического анализа) // Вопросы экономики. № 1. С. 19–32.
[Galicky E., Levin M. (2007). Corruption in the Relationship between Business and Bureaucracy (the Case of Empirical Analysis) // Voprosy Ekonomiki. No 1. P. 19–32.]
- Горбуз А. К., Краснов М. А., Мишина Е. А., Сатаров Г. А. (2010). Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. СПб.: Норма.
[Gorbuz A. K., Krasnov M. A., Mishina E. A., Satarov G. A. (2010). The Transformation of Russian Judicial Power. AN Attempt at a Complex Analysis. St-Petersburg: Norma.]
- Клямкин И. М., Тимофеев Л. М. (2000). Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. [Kliamkin I. M., Timofeev L. M. (2000). The Shady Russia: An Economic-Sociological Study. Moscow: RSUH.]
- Левин М. И., Сатаров Г. А. (2012). Российская коррупция: прошлое, настоящее, будущее: Доклад / XIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества ВШЭ. 3–5 апреля, Москва.
[Levin M., Satarov G. (2012). Russian Corruption: Past, Present, and Future. A Talk at the XIII International April Conference on Economic and Social Development at HSE. 3–5 April, Moscow.]
- Леденева А., Шекшия С. (2011). Бизнес в России: неформальные практики и антикоррупционные стратегии // Russie.Nei.Visions. № 58. Март. [Ledeneva A., Shekshny S. (2011). Business in Russia: Informal Practices and Anti-Corruption Strategies // Russie.Nei.Visions. No 58. March.]

- Мысловский Е. Н. (2007). Коррупция в России: преступление или образ жизни. М.: Экон-Информ.* [Myslovsky E. N. (2007). Corruption in Russia: a Crime or a Way of Life. Moscow: Econ-Inform.]
- МЭР (2011). Состояние бытовой коррупции в Российской Федерации / Министерство экономического развития Российской Федерации. www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/116f09004739f0c7a2a4eeb4415291f1/doklad_kor.pdf?MOD=AJP ERES&CACHEID=116f09004739f0c7a2a4eeb4415291f1.* [Ministry of Economic Development of the Russian Federation (2011). The State of the Everyday Corruption in Russia.]
- Осипян А. Л. (2011). Рейдерство: коррупционные захваты и враждебные поглощения. Краматорск: Тираж-51.* [Osipian A. L. (2011). Raiderstvo: Corrupt Raiding and Hostile Takeovers. Kramatorsk: Tirazh-51.]
- Сатаров Г. А. (ред.) (2004). Антикоррупционная политика / Фонд ИНДЕМ; Под ред. Г. А. Сатарова. М.: СПАС.* [Satarov G. (ed.). (2004). Anti-Corruption Policy / INDEM Foundation. Moscow: SPAS.]
- Сатаров Г. А. (2006). Измерение бытовой коррупции в массовых социологических опросах // Вестник общественного мнения. № 3. С. 25–33.* [Satarov G. A. (2006). Measuring Corruption in Everyday Life in Sociological Surveys // Russian Public Opinion Herald. No 3. P. 25–33].
- Сатаров Г. (2007). Как измерять и контролировать коррупцию // Вопросы экономики. № 1. С. 4–10.* [Satarov G. (2007). How to Measure and Control Corruption // Voprosy Ekonomiki. No 1. P. 4 – 10]
- Сатаров Г., Пархоменко С. (2001). Разнообразие стран и разнообразие коррупции (Анализ сравнительных исследований): Аналитический доклад.* М.: Фонд ИНДЕМ. www.anti-corr.ru/indem/2001razn_corr.doc. [Satarov G., Parkhomenko G. (2001). Country and Corruption Diversities (An Analysis of Comparative Studies): An Analytical Report. Moscow: INDEM Foundation]
- Сатаров Г. А. (2012). Российская коррупция: Уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа. [В печати].* [Satarov G. A. (2012). Corruption in Russia: Its Levels, Structure, and Dynamics. (Forthcoming).]
- Тимофеев Л. М. (2000). Институциональная коррупция: очерки теории.* М: РГГУ. [Timofeev L. M. (2000). Institutional Corruption: Essays in Theory. Moscow: RSUH].
- Ясин Е. Г., Шестоперов О. М. (2010). Оценка теневого оборота в малом предпринимательстве.* www.nisse.ru/business/article/article_1113.html?effort=1. [Yasin E. G., Shestoparov O. M. (2010). The Estimation of the Shady Turnover in the Small Business.]
- Abed G. T., Gupta S. (eds.). (2002). Governance, Corruption, and Economic Performance.* Washington, DC: International Monetary Fund.
- Aid T. S. (2003). Economic Analysis of Corruption: A Survey // Economic Journal.* Vol. 113, No 491. P. 632–652.
- Allina-Pisano J. (2010). Social Contracts and Authoritarian Projects in Post-Soviet Space: The Use of Administrative Resource // Communist and Post-Communist Studies.* Vol. 43, No 4. P. 373–382.
- Bakaleinik E., Mirkin B., Levin M. (2002). Intelligent K-Means Clustering in Analysis of Newspaper Articles on Bribery // Artificial Intelligence.* 2002. No 2. P. 365–373.
- Cheloukhine S., King J. (2007). Corruption Networks as a Sphere of Investment Activities in Modern Russia // Communist and Post-Communist Studies.* Vol. 40, No 1. P. 107–122.
- Dininio P., Orttung R. W. (2005). Explaining Patterns of Corruption in the Russian Regions // World Politics.* Vol. 57, No 4. P. 500–529.
- Hellman J. S., Geraint J., Kaufmann D. (2003). Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition // Journal of Comparative Economics.* Vol. 31, No 4. P. 751–773.
- Kotkin S., Sajo A. (eds.). 2004. Political Corruption in Transition: A Skeptic's Handbook.* Budapest: Central European University Press.

- Lambsdorff J. G.* 2007. The Institutional Economics of Corruption and Reform. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Osipian A.* (2010). Corrupt Organizational Hierarchies in the Former Soviet Bloc // *Transition Studies Review*. Vol. 17, No 4. P. 822–836.
- Osipian A.* (2012). Education Corruption, Reform, and Growth: Case of Post-Soviet Russia // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 3, No 1. P. 20–29.
- Paldam M.* (2002). The Cross-country Pattern of Corruption: Economics, Culture and the Seesaw Dynamics // *European Journal of Political Economy*. Vol. 18, No 2. P. 215–240.
- Persson T., Tabellini G., Trebbi F.* (2003). Electoral Rules and Corruption // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 1, No 4. P. 958–989.
- Radaev V.* 2000. Corruption and Violence in Russian Business in the Late 1990s // *Bribery and Blat in Russia* / S. Lovell, A. Ledeneva, A. Rogachevskii (eds.). L.: Macmillan.
- Rose-Ackerman S.* (ed.). (2006). International Handbook on the Economics of Corruption. Cheltenham: Edward Elgar.
- Safavian M. S., Graham D. H., Gonzalez-Vega C.* (2001). Corruption and Microenterprises in Russia // *World Development*. Vol. 29, No 7. P. 1215–1224.
- Shleifer A., Vishny R. W.* (1993). Corruption // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 108, No 3. P. 599–618.
- Shleifer A., Vishny R. W.* (1998). The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Stefes C. H.* (2007). Measuring, Conceptualizing, and Fighting Systemic Corruption: Evidence from Post-Soviet Countries // *Perspectives on Global Issues*. Vol. 2, No 1. P. 1–16.
- Yakovlev A.* (2001). “Black Cash” Tax Evasion in Russia: Its Forms, Incentives and Consequences at Firm Level // *Europe-Asia Studies*. Vol. 53, No 1. P. 33–55.

Corruption in Russia: Classification and Dynamics

Mark Levin¹, Georgyi Satarov²

Authors affiliation: ¹ National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); ² INDEM Foundation (Moscow, Russia). Corresponding author: Mark Levin, mlevin@mail.ru.

The paper analyses Russian corruption as a specific “industry” of the Russian economy that is in many important respects influenced by the political system. The latter, in turn, is also being transformed due to corruption. The authors introduce and discuss the basic concepts used in the corruption analysis: everyday corruption, business corruption, corruption markets, strategies of bribe-takers etc. The authors propose a comprehensive cultural classification of the types of corruption taking into account its everyday and business aspects, property rights enforcement, vertical and horizontal relations within the power and between power, citizens, and businessmen. In view of the proposed typology corruption dynamics is analyzed, as well as the dynamics of its socio-economic and political conditions in Russia beginning from the pre-revolutionary times and up to the present day. Basing upon the data taken from the mass surveys characteristics of the markets for everyday and business corruption are estimated in dynamics and the causes for the changes in their structure are indicated.

Keywords: corruption, rent-seeking, corruption market.

JEL: D73, P26, P37.